



## СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ II – III вв. О «ДЕМОКРАТИИ»\*

**К.В. МАРКОВ**

*Нижегородский  
государственный  
университет  
им. Н.И.Лобачевского*

*e-mail: mkv\_2003@mail.ru*

Статья посвящена исследованию различных вариантов употребления термина «демократия» в сочинениях греческих авторов II–III вв. Спектр смысловых оттенков весьма широк. Демократией могли назвать и республиканский Рим, и императорский, и общественно-политический уклад отдельных греческих полисов под властью Рима. В качестве атрибутов «демократии», как правило, выступали такие понятия, как «свобода», «равенство», «закон», но понимание этих категорий могло быть различным. Употребление данного термина в ряде случаев обнаруживает тесную связь со спецификой культурной идентичности греческих интеллектуалов во II–III вв.

Ключевые слова: демократия, Древний Рим, Римская империя, политическая мысль Древнего Рима, Вторая софистика.

Рассматриваемый период (II–III вв.) в истории Римской империи стал временем экономического и культурного подъема греческих городов. Именно с этим периодом связано такое явление в греческой литературе как Вторая софистика. В настоящее время дискуссии ведутся как вокруг содержания данного понятия, так и относительно степени ее влияния на греческую литературу<sup>1</sup>. Тем не менее, большинство исследователей рассматривает Вторую софистику как доминирующее направление греческой литературы конца I – начала III в., и в качестве главных его черт выделяют засилье риторики и подражание известным греческим авторам IV в. до н.э.<sup>2</sup> Отмечается также, что Вторая софистика посредством риторических и идеологических клише оказывала влияние на понятийный аппарат. Под этим углом сегодня рассматривается, в том числе, и употребление понятия *δημοκρατία*, особенно, когда речь идет о применении термина к римским реалиям, причем не только к республиканскому строю, но и к императорскому Риму<sup>3</sup>. Очевидна многозначность слова *δημοκρατία* в данный период, которая, как полагают, оказалась возможной благодаря размыванию сущности понятия, начиная с эллинистической эпохи. Демократией во II–III вв. могли называть не только прямое правление народа, как в Афинах V в. до н.э., но любую власть, которая не имела ярко выраженного монархического характера<sup>4</sup>, либо употреблять этот термин как синоним слов «государство» или «миропорядок»<sup>5</sup>. Существует мнение, что во II–III вв. употребление понятия *δημοκρατία* применительно к римским реалиям не предполагало уже никаких аллюзий

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Международный конкурс РГНФ – Государственный комитет по науке Министерства образования Республики Армения 2014 “Цивилизационные и кросс-культурные аспекты формирования римского мира в период перехода от республики к принципату”», проект № 14-21-20003. Работа также частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

<sup>1</sup> Bowersock G.W. *Greek sophists in the Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1969. Passim; Bowie E.L. *Greeks and their Past in the Second Sophistic // Past and Present*. 1970. Vol. 46. P. 3–41; Reardon B.P. *Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècles après J.-C.*, Paris, 1971. Passim; Bowersock G.W. Introduction: *The Greek Renaissance // Approaches to the Second Sophistic*. Harvard: University Park, 1974. P. 1–3; Anderson G. *The Second Sophistic: a cultural phenomenon in the Roman Empire*. London: Routledge, 1993. P. IX; Brunt P.A. *The bubble of the Second Sophistic // Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1994. Vol. 39. P. 24–52; Whitmarsh T. *Greek literature and the Roman Empire: the politics of imitation*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 26, 27, 41–46; Whitmarsh T. *The Second Sophistic*. Cambridge, 2005. Passim; Schmitz T. *Bildung und Macht: zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit*. München, 1997. P. 24, 25; Eshleman K. *Defining the circle of sophists: Philostratus and the construction of the Second Sophistic // Classical Philology*. 2008. Vol. 103. No 4. P. 395–413.

<sup>2</sup> См. «Введение» Б. Борк в сборнике *Paideia: The World of the Second Sophistic*. Berlin, 2004. P. 1–2.

<sup>3</sup> Aristid. *Εἰς Ῥώμην* = Or. XXVI. 38–39, 60 Keil; Philostrat. *VA*. 5. 35; Cass. Dio LII. 14. 3–5.

<sup>4</sup> См. также: Larsen J.A.O. *Representation and Democracy in Hellenistic Federalism // Classical Philology*. 1945. Vol. 40. P. 88–91; Näf B. *Die attische Demokratie in der römischen Kaiserzeit. Zu einem Aspekt des Athenbildes und seiner Rezeption // Imperium Romanum. Studien zu Geschichte und Rezeption. Festschrift für Karl Christ / P. Kneissl, V. Losemann (Hrsg.)*. Stuttgart, 1998. P. 553.

<sup>5</sup> Пантелеев А.Д. *Демократия в неортодоксальном христианстве: опыт гностиков // Проблемы античной демократии / Э.Д. Фролов (ред.)*. СПб., 2010. С. 477–478.



на «власть народа», ибо изменилась суть понятия «демос». Оно приобрело аристократический оттенок, и, таким образом, термин *δημοκρατία* отражал политические ожидания преимущественно высших слоев римского общества и, в первую очередь, сенаторов, которые надеялись на определенное участие в политических делах и поддержание установившегося во времена Антонинов *status quo* во взаимоотношениях с императорами<sup>6</sup>. Согласно иной версии, понятие *δημοκρατία* в императорскую эпоху означало не «власть народа», а власть «над народом» или «посредством народа»<sup>7</sup>. Во многих исследованиях акцент делается на софистическом характере рассуждений о демократии в обозначенный период, их книжности, оторванности от политических реалий<sup>8</sup>. Перечисленные особенности часто рассматриваются как общие если не для всех, то, по крайней мере, для большинства авторов Второй софистики.

Таким образом, по мнению ряда исследователей, понятие *δημοκρατία* в античную эпоху проделало определенную эволюцию, и ко II–III вв. приобрело значения, отличающиеся от классического понимания термина. Вместе с тем, поиск общих тенденций в восприятии этого понятия осложнен некоторыми обстоятельствами. Во-первых, в некоторых случаях мы имеем дело с сугубо авторскими, индивидуальными трактовками. Во-вторых, источники наши – это преимущественно речи, написанные по разным поводам и для разной аудитории. Вот почему даже у одного автора в зависимости от контекста это понятие могло употребляться для обозначения, казалось бы, совершенно разных политических систем. Так, например, Дион Хризостом, мог назвать «демократией» и афинское народовластие (Or. 32. 6; 37. 5; 37. 16; 50. 2), и общественно-политический строй в греческих городах под властью Рима (Or. 31. 58; 41. 1–3).

Во времена Второй софистики термин *δημοκρατία* часто используется для обозначения римской республики. Наиболее показательны труды таких историков как Аппиан (I. 33; II. 122, IV. 36, 69, 70, 94, 133) и Дион Кассий (напр., XLIV. 21. 1; XLV. 17. 6; XLV. 36. 2; XLVI. 16. 4). Рассмотрим ряд пассажей из «Римской истории» Диона Кассия. Устами Агриппы он характеризует демократию как идеальный политический строй, основанный на равноправии, равенстве происхождения и воспитания граждан, принимающих равное участие в управлении государством (LII. 4. 1–3). В представлении Диона, римляне жили при подобном государственном строе, когда они были гражданами относительно небольшого полиса, но как только их государство стало могучей державой, владеющей обширной территорией, имеющей сложную этническую и социальную структуру<sup>9</sup>, на смену демократии, приходит череда режимов, обозначенных термином

<sup>6</sup> Эволюция греческого понятия «демократия» в эпоху империи подробно рассматривается в следущей работе: Sordi M. Alla ricerca di una «democrazia diversa»: Da Tucidide a Dione // *Aevum*. 2001. 75. 1. P. 3–8. Изучив случаи обозначения императорского Рима как *δημοκρατία*, Ч. Старр предположил, что речь идет о т.н. «совершенной демократии», учитывающей интересы всех граждан. Иная версия – отождествление императорской власти с «демократией» могло иметь римские корни и сопоставимо с рассуждениями Тацита о том, что при Нерве в отличие от его предшественников стало возможным совмещение *principatus* и *libertas* (Agr. 3. 1). Термином *δημοκρατία* могло обозначаться с одной стороны юридическое понятие *res publica* (государство, общественное благо), а с другой – морально-этическая категория *libertas* (свобода) (Wirszbicki Ch. Liberty as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambr., 1950. P. 160–171; Hammond M. Res olim dissociabiles: principatus ac libertas. Liberty under the Early Roman Empire // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1963. Vol. 67. P. 93–113). Следовательно, демократия совместима с императорской властью в том случае, если принцепс гарантирует сенаторам поддержание *res publica* и обеспечение *libertas* (Espinosa Ruiz U. Debate Agrippa-Mecenas en Dion Casio. Respuesta senatorial a la crisis del imperio romano en época Severiana. Madrid, 1982. P. 59–60). Еще одна точка зрения представлена в работе К. Хорст, которая пришла к выводу, что Дион, отталкиваясь от представлений Платона об идеальной форме правления как смешении «монархии» и «демократии» (Plat. Leg. 693 d), изложил устами Мецената концепцию создания неких «паритетных структур власти», предполагавших активное участие сенаторов в государственном управлении (Хорст К. Демократия как форма правления – к вопросу о политической функции понятия демократии в эпоху императоров. Интерпретация речей Агриппы и Мецената (Cass. Dio. 52.1–41) // Народ и демократия в древности. Доклады Российско-германской научной конференции / В.В. Деметьева (отв. ред.). Ярославль, 2011. С. 270–286).

<sup>7</sup> Carsana C. La teoria della «constituzione mista» nell'età imperiale romana (Biblioteca di Athenaeum 13). Como, 1990. P. 87; Canfora L. Eine kurze Geschichte der Demokratie. Von Athen bis zur europäischen Union. Köln, 2006. S. 13 f.

<sup>8</sup> Ameling W. 1997: Griechische Intellektuelle und das Imperium Romanum: das Beispiel Cassius Dio // ANRW. II. 34. 3. 1997. P. 2493, 2480; Bowie E. Quid Roma Athenis? How far did imperial Greek sophists or philosophers debate the legitimacy of Roman power? // *Ordine e sovversione nel mondo greco e romano: atti del convegno internazionale*. Cividale del Friuli, 25–27 settembre 2008 / G. Urso (ed.), 2009. P. 223–240.

<sup>9</sup> Эти представления прослеживаются в целом ряде суждений, содержащихся в разных книгах «Римской истории» (XLIV. 2. 1–4; XLVII. 39. 5; LII. 15. 6, 16. 1–2). Более подробно об этом см.: Марков К.В. Речь Агриппы (Cass. Dio LII. 1–13): риторика и идеология // *Из истории античного общества*. Н. Новгород, 2011. С. 134–153.



δυναστεία<sup>10</sup>. Таким образом, у Диона наряду со стандартным греческим употреблением термина δημοκρατία как эквивалента *res publica* прослеживается и представление о том, что настоящая «демократия» заканчивается с наступлением эпохи гражданских войн.

Отметим, что Дион неоднократно ставит римскую республику в один ряд с прочими демократиями<sup>11</sup> и проводит параллели с историческим опытом греков и варваров<sup>12</sup>, рассматривая развитие и перевоплощение «демократии» в Риме как универсальный процесс. Римский опыт, таким образом, становится материалом для обобщенных выводов относительно преимуществ и недостатков данной формы власти. Вместе с тем, репрезентация римской республики как δημοκρατία наложила отпечаток и на повествование о республиканцах. Бруту и Кассию достается характерная для античной риторики и литературы роль тираноубийц, борющихся за демократию, свободу и равенство со всеми коннотациями, присущими данному образу (XLVII. 32. 2. 38. 3. 42. 3–4)<sup>13</sup>. Нечто подобное встречаем и у Аппиана, который в одном из пассажей изображает республиканцев идеалистами, сражающимися за нереалистичные идеалы<sup>14</sup>: «Предлогом, побуждавшим нести все тяготы во время их службы у Помпея, и в данном случае служило для солдат то, что они действовали не из личных интересов, а ради демократии — слова красивого, но всегда бесполезного» (IV. 133). Это еще одна грань восприятия δημοκρατία во II–III вв. Сходным образом демократию характеризует и Дион Хрисостом, называя ее наименее пригодной из всех форм правления, не смотря на миловидное имя и стремление к справедливому управлению и законам (Or. III. 47). Дион Кассий также вкладывает в уста Мecenата рассуждения о том, что «демократия имеет красивое имя и сулит всем некое равенство, проистекающее из равноправия, но практика показывает, что эта форма правления вовсе не соответствует своему названию» (XLIV. 2. 1). Отметим, что и у Диона Хрисостома, и у Аппиана, и у Диона Кассия констатация несоответствия между положительными ассоциациями, связанными со словом демократия, и реальной политической практикой появляется в контексте противопоставления δημοκρατία единовластию. В том же контексте демократия иногда смешивается понятием охлократия и предстает как «свобода» или «дерзость» толпы (Plutarch. De unius in republica dominatione, populari statu, et paucorum imperio 3. E–F, Dio Cass. III. 14. 3–5)<sup>15</sup>.

Несмотря на наличие критики, демократия авторам Второй софистики, как правило, представлялась чем-то положительным. Более того, Элий Аристид, Дион Кассий и Флавий Филострат называют императорский Рим демократией, причем характеристика эта дается в речах либо воспевающих Рим, либо содержащих обоснование императорской власти (Aristid. Εἰς Ῥώμην = Or. XXVI. 38–39, 60 Keil; Philostr. VA. V. 35; Dio Cass. III. 14. 3–5)<sup>16</sup>. Как же оказалось возможным совместить это два, казалось, несовместимых термина? Можно предположить, что в основе лежит законодательно закрепленная при Адриане идея делегирования народом высшей власти принцепсу<sup>17</sup>. Вместе с тем в сочинениях авторов Второй софистики встречается чисто греческое литературное клише, демонстрирующее фактиче-

<sup>10</sup> См. периодизацию римской истории, предложенную Дионом в 1-й главе III книги. Термином δυναστεία, который восходит к категориальному аппарату Аристотеля, но в словопотреблении Диона больше соответствует лат. *potentia*, историк обозначает, прежде всего, исключительную концентрацию власти в руках отдельных политических лидеров периода Поздней республики. Примерами такого правления, являющегося фактической узурпацией власти и смягченной формой тирании, служат, прежде всего, диктатура Суллы (82–79 гг. до н. э.), диктатура Цезаря (49–44 гг. до н. э.), Первый и Второй триумvirаты (соответственно 60–49 и 43–33 гг. до н. э.).

<sup>11</sup> Например, Фабриций советует Пирру не выбирать себе советника или полководца из государства с демократической формой правления (VI. 40. 34). Движение братьев Гракхов обернулось насилием, присущим более деспотии, нежели народовластию (IX. 83. 4).

<sup>12</sup> Ср. XLIV. 2. 3 и III. 9. 2; 10. 3.

<sup>13</sup> Более подробно об этом см.: Марков К.В. Указ. соч. С. 134–153. См. также упоминание Диона о том, что афиняне прославляли Брута и Кассия как тираноубийц (XLVII. 21. 2).

<sup>14</sup> Такой подход вполне соответствует общим тенденциям в античной историографии II–III вв. н. э., когда историки все более склоняются к обобщениям и интерпретациям в ущерб детализированному повествованию и верификации данных, а господство Второй софистики приводит к засилью риторических клише в исторических сочинениях. Zimmerman M. Encomion und Historiographie: Entwicklungslinien der kaiserzeitlichen Geschichtsschreibung und politischen Wandel im 3. Jh. n. Ch. // Geschichtsschreibung und politischer Wandel im 3. Jh. n. Chr. Kolloquium zu Ehren von Karl-Ernst Petzold (Juni 1998) anlässlich seines 80. Geburtstags. Stuttgart, 1999. S. 42.

<sup>15</sup> Ср.: Herodot. Hist. III. 82.

<sup>16</sup> Более подробно см.: Марков К.В. Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен Второй софистики: ирония, иллюзия, утопия или идеал? // Вестник древней истории. 2013. № 3. С. 52–74.

<sup>17</sup> Согласно современнику Диона Ульпиану, «то, что решил принцепс, имеет силу закона, так как народ посредством царского закона, принятого по повелению высшей власти принцепса, предоставил принцепсу всю свою высшую власть и мощь» (Dig. 1. 4. 10; пер. Л.Л. Кофанова, И.С. Перетерского).



ское смешение единовластия и демократии: «на словах народовластие, а на деле власть единого мужа» (Plut. Praesep. 802C<sup>18</sup>; Aristid. Or. 46. 121 Jebb). Возможно, именно этот топос стал основой для рассуждений, которые Флавий Филострат вкладывает в уста Аполлония Тианского: «как единый муж, превосходный доблестью, преобразует народоправство в видимость наилучшего самодержавия, точно так же единовластие в заботе своей об общей пользе становится народным правлением» (V. 35)<sup>19</sup>. Следовательно, императорская власть – это *δημοκρατία*, потому что она становится благом для народа. Таким образом, речь идет не об участии граждан в управлении, а о том, что управление осуществляется в их интересах. Эта идея просматривается и в других упомянутых случаях употребления термина *δημοκρατία* применительно к императорскому Риму. Так, согласно Аристиду, империя сопоставима с демократией, потому что император назначает и контролирует наместников провинций в интересах местного населения (Or. XXVI. 36–39). Кроме того, в трактовке Элия Аристида Рим становится «вселенской демократией» благодаря равноправию всех обладателей статуса гражданина (Or. XXVI. 60). Согласно Диону Кассию, единовластие оказывается «истинной демократией», когда обеспечивает наиболее приемлемое для граждан социально-политическое устройство<sup>20</sup>.

Сходство между Дионом и Аристидом заключается еще и в том, что оба автора раскрывают суть понятия *δημοκρατία* применительно к императорскому Риму через суждения о свободе и равенстве, правда, сходство это является формальным, ибо авторы по-разному понимают сущность этих терминов. Для Элия Аристида в основе понятий «свобода» и «равенство» лежат конкретные аспекты взаимоотношений Рима и провинциального населения, а именно возможность подачи апелляции на решения местных властей (гл. 37) и равное положение перед императором всех, включая наместников провинций (гл. 39). Согласно Диону, «истинная демократия» и «безопасная свобода» достигаются благодаря соблюдению принципа равенства по достоинству (*κατὰ τὴν ἀξίαν*) (ЛП. 14. 3–5<sup>21</sup>). Историк, таким образом, обнаруживает знакомство с концепцией т. н. «геометрического равенства», которая встречается у Платона, Ксенофонта, Исократ, Аристотеля, Дионисия Галикарнасского и Плутарха<sup>22</sup>: равенство выражается не в том, чтобы каждый добивался равного воздаяния, но, чтобы все получали награду по заслугам (*τὰ κατ' ἀξίαν*). В трактовке Диона эта тема приобретает явный аристократический (скорее даже олигархический оттенок), ибо представляет собой теоретическое обоснование сохранения за сенаторами политических привилегий<sup>23</sup>. Таким образом, взгляд Диона имеет ярко выраженный просенаторский характер, тогда как у Аристида во главе угла оказываются интересы муниципальной знати.

Итак, мы видим, как, казалось бы, абстрактные понятия приобретают вполне конкретное социально-политическое содержание. В одном из пассажей панегирика Риму Элий Аристид сравнивает принципат с «прежними временами всеобщей демократии» (Or. XXVI. 38). Здесь обнаруживается идеализированное представление о Греции до римского завоевания<sup>24</sup>. Таким образом, понятие *δημοκρατία* оказывается тесно связанным с идеологией «греческого возрождения». Необходимо учитывать, что во времена Второй софистики гордость за славное прошлое Эллады становится частью греческой культурной идентичности, а само прошлое вос-

<sup>18</sup> Плутарх дает ссылку на Фукидидову характеристику Перикла (П. 65. 8).

<sup>19</sup> Перевод Е. Г. Рабинович. [Греч. текст: ὁμοῦ γὰρ εἰς ἀρετὴν προὔχων μεθίστησι τὴν δημοκρατίαν ἐς τὸ ἐνδὸς ἀνρὸς τοῦ ἀρίστου ἀρχὴν φαίνεσθαι, οὗτως ἡ ἐνδὸς ἀρχὴ πάντ' ἐς τὸ συμφέρον τοῦ κοινοῦ προορῶσα δὴμιός ἐστιν.]

<sup>20</sup> См. речь Мецената: «Вот почему я желаю, чтобы ты не обманулся, прельстившись красотой званій, но, внимательно обдумав положение вещей и все возможные последствия, положил конец дерзости толпы и предоставил управление государством себе и другим лучшим людям. Тогда в сенате заседали бы наиболее разумные, командовали бы войсками наиболее искусные в военном деле, а несли воинскую службу и получали за это жалованье самые крепкие и самые бедные. Таким образом, каждый будет охотно исполнять то, что выпало на его долю, с готовностью оказывая помощь другим, и никто не будет испытывать унижения при сравнении своей участи с долей других, и все обретут истинную демократию и безопасную свободу» (ЛП. 14. 3–5).

<sup>21</sup> Эта идея представлена не только в речи Мецената, но и в рассуждениях автора от первого лица. Демократия заключается не в том, чтобы преуспеть вообще всем из них, но в том, чтобы каждому воздалось по достоинству (VI. 23. 5). Если по чести раздаются тем, кто этого достоин, все должны это принять (ибо такова демократия), если же распределяются обязанности, то каждому по мере (ибо таково равенство) (XXXVI. 32. 1).

<sup>22</sup> Кудрявцев О. Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». М., 1991. С. 65–73; см. также: Xen. Cyr. I. 2. 13–15; II. 2. 21; Isocr. Areopag. 14; III. Nic. 15–17; Aristot. Eth. Nic. 1141 B 21 sq.; Pol. 1282 B 14–1283 A 23.

<sup>23</sup> Подробнее см.: Марков К. В. Единовластие... 2013. С. 64.

<sup>24</sup> Oliver J. The Ruling Power. The Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides. Philadelphia, 1953. P. 920.



принимается как своего рода эталон<sup>25</sup>. Естественно, большое внимание уделялось Афинам. Былое могущество Афин становится важной частью греческой исторической памяти, а Афинская демократия начинает рассматриваться как символ политических и культурных достижений не только одного полиса, но и всей Греции<sup>26</sup>. Павсаний, например, будучи сторонником единовластия, все же не мог не удержаться от восхваления афинской демократии (Pausan. I. 3. 3.). Согласно подсчету количества упоминаний по тезаурусу (Thesaurus Linguae Graecae), демократия для авторов Второй софистики – это, прежде всего, афинское народовластие. Оно, как правило, оценивается положительно и часто сопряжено с такими понятиями как свобода и закон (Aristid. Theb. I. 45. (6); Plut. De unius in republica dominatione. 3, Praecepta. 21, Lucian. Tyrannicida 9. 1). Отметим, что авторы Второй софистики нередко позиционируют «закон», «равенство», свободу как непеременимые атрибуты демократии, причем демократия – это отнюдь не только историческая реальность, ибо города, находящиеся под властью Рима (в том числе Родос, Александрия, Кизик, Пруса) также часто именуется демократиями (Dio Chrys. Or. 31. 58, 32. 27; Aristid. Or. 44. 31; 27.43; Lucian. Tim. 57. 13). Есть мнение, что таким образом «греческие патриоты» упорно не хотели замечать римскую власть, стремились уйти от политической действительности в реальность риторическую<sup>27</sup>. Но вместе с тем характер управления империей, возможно, давал грекам почувствовать известную степень автономии. Дело в том, что количество римских должностных лиц в провинциях было сравнительно небольшим, и степень вмешательства римлян в жизнь греческих городов была относительно невелика. Например, провинция Понт и Вифиния (до Марка Аврелия), а также провинция Азия были сенаторскими, значительных воинских контингентов там не наблюдалось. В провинции Азия из числа должностных лиц был только один проконсул, три легата и квестор, в то время как на данной территории проживало 300–500 общин<sup>28</sup>.

В заключение, возвращаясь к современным взглядам на проблематику, отмечу, что следует говорить скорее не о «размывании» понятия демократии во II–III вв., а о существовании различных вариантов употребления данного термина, которые зависели от контекста. Спектр смысловых оттенков весьма широк. Демократией могли назвать и республиканский Рим, и императорский, и общественно-политический уклад отдельных греческих полисов под властью Рима. В качестве атрибутов демократии, как правило, выступали такие понятия как свобода равенство, закон, но понимание этих категорий могло быть различным. Вероятно, подобный взгляд авторов Второй софистики на прошлое и современность Рима можно рассматривать как проявление адаптации греческого национального самосознания к римским реалиям, которые оказались встроены в привычную для греков систему понятий.

## THE PERCEPTION OF «DEMOCRACY» BY THE GREEK AUTHORS OF THE 2<sup>ND</sup>–3<sup>RD</sup> C. AD

**K.V. MARKOV**

*Nizhny Novgorod State University  
named after N.I. Lobachevsky*

*e-mail: mkv\_2003@mail.ru*

The paper is devoted to the study of the meanings of the term *δημοκρατία* in works of the Greek authors of 2<sup>nd</sup>–3<sup>rd</sup> c. AD. There is a wide range of connotations of the notion. For instance, the word could be applied to the Roman Republic, to the Empire, as well as to the Greek civic communities under the Roman rule. In the majority of cases *δημοκρατία* has such attributes as freedom, equality and law, and perceived as something positive. The connection is detectable between the application of the word to Roman realities and the cultural identity of the Greek intellectuals of the Second Sophistic.

Key words: democracy, Ancient Rome, Imperial Rome, the political thought of the Roman Empire, the Second Sophistic.

<sup>25</sup> Goldhill S. (ed.) Being Greek Under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire. Cambridge, 2001. P. 1–28; Bowie E. Greeks... P. 3–41; Jones C.P. Multiple identities in the age of the Second Sophistic // Paideia: the world of the Second Sophistic. Berlin, 2004. P. 13–22; Jones C.P. Ancestry and Identity in the Roman Empire // Local Knowledge and Microidentities in the Roman Empire. Cambridge, 2010. P. 111–124.

<sup>26</sup> Bowie E.L. Greeks... P. 28; Anderson G. The Second Sophistic... 1993. P. 1.

<sup>27</sup> Capano C. I Greci e Roma: *κοινοί νομοί* per un impero democratico // Res publica litterarum. Documentos de trabajo del grupo de investigación «Nomos». 2012. № 1. P. 1–12.

<sup>28</sup> О характере управления римлянами провинциями см.: Burton G.P. Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire // JRS. 1975. Vol. 65 P. 92–106; Garnsey P., Saller R. The Roman Empire: economy, society and culture. Berkely, 1987. P. 20–40; Brunt P.A., Roman Imperial Themes. Oxford, 1990. P. 116–117; Heller A. La cité grecque d'époque impériale: vers une société d'ordres? // Annales HSS. Mars-avril. 2009. P. 350.